

Алексей Шейко

МЕЖДУ УДАРАМИ

ДВА МИРА
ДВЕ ПРАВДЫ
ОДИН ВЫБОР

СТАТУС — НЕ ВЛАСТЬ.
УВАЖЕНИЕ — СИЛА.

詠春

Алексей Шейко

Между ударами

<https://litres.ru/74631648>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей Хоторов отказывается от игры, в которую Катю Морозову ещё никто не отказывался играть — и за этим отказом явно стоит что-то большее, чем простое равнодушие к статусу. Катя привыкла использовать людей как разменную монету в своей свите, но этот новичок с окраины не боится её власти и говорит вещи, которые застревают в голове на несколько дней. Чем больше она пытается задеть его, тем яснее понимает: броня, которую она носит с детства, держится не так крепко, как казалось. За её спиной стоит отец, готовый контролировать дочь как актив и скрывающий собственное прошлое, которое он не намерен выпускать наружу. Чем ближе Катя подходит к Алексею, тем выше цена, которую может потребовать отец за право выбирать самой. Что прячет Александр Морозов и чего ему будет стоить потерять контроль над дочерью?

Содержание

Глава 1.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Между ударами

Глава 1.

Audi Q8 вписывается в пяточок у главного входа легко, будто пространство само отодвигается, освобождая место. Знака «парковка запрещена» здесь нет — его и не нужно, все и так знают, что здесь не паркуются. Охранник у шлагбаума, пожилой, с лицом, будто выглаженным усталостью, кивает ей сквозь лобовое стекло так, как кивают человеку, от которого не ждут проблем и которому их не создают.

Катя глушит двигатель, проверяет в зеркале помаду — не съехала ли, хотя знает, что не съехала, — и выходит из машины в то декабрьское утро, когда снег на Проспекте Вернадского лежит грязными островками вдоль бордюров, а воздух пахнет мокрым асфальтом и чужими сигаретами.

В холле её уже ждут. Не потому, что договаривались — потому что так заведено.

— Твой, — говорит Вика, протягивая стакан с логотипом Correct, раф на миндальном, без сахара, именно так, как Катя пьёт его три года подряд и ни разу не меняла привычку, хотя иногда думает, что хорошо бы изменить хоть что-нибудь. Вика сегодня в коротком пуховике цвета слоновой кости, волосы забраны так небрежно, что сразу видно — на эту небрежность ушло минут сорок перед зеркалом.

— Семинар по международному праву перенесли на два, лекция Воронцова осталась на месте, — отчитывается Рома, не здороваясь, будто это продолжение вчерашнего разговора, которого на самом деле не было. У него в руках телефон, и он смотрит в него, а не на Катю, пока говорит, — поза человека, который докладывает начальству, а не разговаривает с подругой.

Катя берёт стакан, кивает, не благодарит — благодарность здесь была бы странной, как если бы благодарить руку за то, что она подняла ложку.

Она думает иногда — не часто, но в такие минуты, как эта, когда вокруг снова расступается пространство — что статус, это не то, что у тебя есть. Деньги отца, фамилия, квартира в центре с видом на Москву-реку — всё это только декорации. Настоящий статус в другом: в том, что все вокруг боятся потерять твоё внимание больше, чем боятся потерять что-то своё. Вика могла бы дружить с кем угодно на курсе. Рома мог бы носить кофе кому-то другому. Но они здесь, у этого стакана, у этого расписания, потому что отвернись Катя — и они перестанут существовать в том виде, в каком существуют сейчас.

Она не отворачивается. Это и есть власть — не действие, а воздержание от действия.

Мимо проходит первокурсник, долговязый, и смотрит на неё на секунду дольше, чем позволено смотреть на людей её уровня. Катя не делает ничего — просто переводит взгляд на

него, спокойно, без раздражения, ровно настолько холодно, чтобы он понял: граница существует, и он её коснулся. Первокурсник отводит глаза первым, краснеет, ускоряет шаг. Ей не нужно было произносить ни слова. Слова — для тех, кто ещё не выучил язык иерархии.

— Кать, — Вика понижает голос, подходя ближе, так что от неё пахнет новыми духами, кажется, Byredo, что-то цветочно-перечное, — у нас новенький появился. Перевёлся то ли с юрфака, то ли вообще не из МГИМО, прикинь.

— И что? — Катя делает глоток кофе. Он чуть горчит, как всегда, как ей нравится.

— Да ничего особенного, не наш круг, судя по всему, — Вика морщит нос, будто речь идёт о чём-то неаппетитном, — но посмотреть можно. Высокий такой, спортивный.

— Спортивный, — повторяет Катя без интереса, вроде пробуя слово на вкус и находя его пресным.

Рома поднимает глаза от телефона, впервые за весь разговор.

— Хоторов, кажется. Алексей. Из группы по международным экономическим, у Воронцова как раз.

Фамилия проходит мимо сознания, не задевая ничего. Новенькие появляются каждый семестр — кто-то с периферии, кто-то по обмену, кто-то сын человека, который решил, что ребёнку нужна московская прописка в резюме. Через неделю станет ясно, кто он: либо впишется, либо растворится в массе тех, кого никто не помнит по имени. Обычно вто-

рое.

— Ладно, — говорит Катя, бросая взгляд на часы — без четверти десять, значит, пора. — Идём, а то Воронцов опять начнёт с занудства про санкционные режимы.

Она допивает кофе на ходу, идёт через холл так, как ходит всегда — не торопясь, но так, что остальные расступаются сами, без необходимости расталкивать. Вика пристраивается слева, Рома чуть сзади, и втроём они движутся через коридор, мимо досок с объявлениями о стажировках в МИД и Газпромбанке, мимо витрины с кубками дебат-клуба, в котором Катя в прошлом году выиграла финал, хотя подготовкой почти не занималась — хватило уверенности, с которой она произносила заведомо слабые аргументы.

У дверей аудитории Вика ещё раз шепчет что-то про новенького — кажется, «видела в столовой, ел один», — но Катя уже не слушает по-настоящему. День обещает быть таким же, как вчера, и позавчера, и неделю назад: лекции, перерыв в кофейне на Остоженке, вечером, возможно, ужин с родителями, где отец будет рассказывать про очередную сделку, а мать — вежливо кивать, думая о чём-то своём.

Она толкает дверь аудитории плечом, не глядя, привычным движением, и входит внутрь так, как входят в комнату, которая уже заранее знает, кто в ней главный.

* * *

Кафе при факультете пустеет к середине перерыва — основная масса уже разошлась по аудиториям, остаются только

те, кто считает, что имеет право опаздывать. Катя занимает столик у окна, тот самый, за которым всегда сидит, хотя никто и никогда не вешал на него табличку с её именем. Света уже притащила себе капучино с корицей, Вика ковыряет вилкой чизкейк, который заказала, но есть явно не собирается, — для фигуры, не для удовольствия. Рома садится последним, разворачивает стул спинкой вперёд, как будто это добавляет ему веса.

— Короче, кто у нас в этом семестре лишний, — говорит Вика, не глядя ни на кого конкретно, таким тоном, каким объявляют начало какой-нибудь ежегодной традиции. — Серьёзно, обычно к этому времени уже понятно, кто свой, а кто так, мимо проходил.

— Та, с третьего курса экономфака, с косой, — подаёт голос Света, — Леночка какая-то. Весь семестр в библиотеке сидит, как будто ей за это стипендию удвоят.

— Леночка не в счёт, она давно никому не мешает, — отмахивается Вика. — Я про новеньких.

Рома наклоняется чуть вбок, указывает подбородком в сторону окна, за которым виден кусочек коридора и доска расписаний.

— Вон, кстати, твой сегодняшний Хоторов идёт.

Катя поворачивает голову без спешки, будто это стоит ей какого-то труда. За стеклом, у витрины с кубками дебат-клуба, стоит высокий парень в простой тёмной куртке — не от какого-то бренда, который можно считать, просто куртка,

без логотипа, без претензии. Джинсы, обычные кроссовки, никакого рюкзака с именными застёжками, только обшарпанная сумка через плечо. Он читает что-то на телефоне, стоит один, и в этом «одном» нет ни нервозности, ни желания привлечь внимание — он просто стоит так, как будто компании ему и не нужно.

— Боже, посмотрите на куртку, — хихикает Света, — это же прошлый век какой-то. Zara, max.

— Угадала с точностью до года, — соглашается Вика. — Я узнавала, кстати. На бюджет попал, стипендиат. Живёт где-то в Бутово, представляете, каждый день по часу с лишним сюда тащится.

— Бутово, — повторяет Рома с той интонацией, с которой произносят названия стран, в которых никогда не бывали и бывать не планируют.

Катя смотрит ещё секунду, потом отводит взгляд к своему кофе, хотя по инерции в голове остаётся картинка — прямая спина, спокойные плечи, никакой суеты в том, как он держит телефон. Обычно у новичков это выдаёт себя сразу: либо слишком много жестов, либо слишком мало, либо взгляд бегаёт, ищет, на кого ориентироваться. У этого ничего такого не читается. Он просто существует в пространстве, которое его, кажется, вообще не беспокоит.

— И что, — говорит Катя, — вы предлагаете мне заняться антропологией?

— Я предлагаю, — Вика отодвигает чизкейк, наконец

признав поражение, — развлечься немного. Семестр скучный, Кать, признай. Санкционные режимы, курс Воронцова, все эти стажировки, которые все уже обсудили по сто раз. А тут новенький, скромный, стипендиат, деревня-деревней. Идеальная мишень.

— Для чего?

— Для игры, — Вика наклоняется вперёд, и в глазах у неё загорается тот самый азартный блеск, который Катя видела десятки раз перед экзаменами, перед вечеринками, перед любой возможностью немного подёргать кого-то за ниточки. — Ты подходишь, изображаешь интерес. Не прямо так в лоб, а постепенно. Он же нормальный пацан, не идиот, но и звёзд с неба не хватает, судя по виду — он купится. А потом, когда он уже начнёт о тебе мечтать, мы всё это красиво... ну, обнародуем. Перед всеми. Представляешь лицо?

Рома хмыкает, не отрываясь от телефона.

— Это может быть забавно, — говорит он без особого энтузиазма, скорее констатируя факт, чем предлагая.

Катя молчит, вертит в пальцах пластиковую крышечку от стаканчика. В голове прокручивается немедленный и честный ответ: цель слишком мелкая. Парень из Бутово, со стипендией и курткой из позапрошлого сезона, — не тот противник, на которого стоит тратить силы. Это как целиться из охотничьего ружья в воробья: можно, конечно, но зачем. Весь смысл её статуса в том, чтобы связываться только с теми, кто имеет значение, чьё падение будет заметно, чьё уни-

жение станет темой разговоров на неделю вперёд. А этот просто исчезнет через семестр, никто и не вспомнит.

Но скука — вещь настойчивая. Она въедается в день, как сырость в стены старого дома, и заставляет искать развлечение хоть в чём-нибудь, пусть даже недостойном. К тому же отказаться означает признать, что ей скучно настолько, что даже такая мелкая провокация её не трогает, — а это хуже, чем согласиться. Это значит показать слабинку перед своими же.

— Ладно, — говорит она, пожимая плечами с таким видом, будто делает одолжение. — Развлекитесь. Только учтите, это на один раз, мне неинтересно будет цацкаться с ним весь семестр.

Вика взвизгивает тихонько, по-кошачьи, довольная, как будто ей только что подарили что-то дорогое.

— Отлично! Тогда с чего начнём?

— С сегодня, — говорит Катя, допивая остывший кофе одним движением. — У Вербицкого семинар по международным финансам, он там будет, я видела его в списке группы. Подойду после пары, как бы случайно.

— А если он совсем не поведётся? — спрашивает Света с лёгким сомнением, кажется, впервые за весь разговор проявляя какую-то аналитическую способность.

— Повеётся, — отвечает Катя и смотрит в окно, туда, где минуту назад стоял парень в простой куртке, хотя его там уже нет. — Они все ведутся.

Она произносит это так, как произносят давно заученную фразу, не требующую доказательств, — просто потому, что до сих пор так было всегда.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.